

С.И.ВАЙНШТЕЙН

**Судьба Бориса Осиповича Долгих —
человека, гражданина, ученого**

Беда не страшит, а путь кажет.

Русская пословица

Среди ученых, ставших жертвами репрессий еще в начале 30-х годов, — один из наиболее выдающихся отечественных этнографов и историков, классик мирового сибиреведения — Борис Осипович Долгих. Его драматичная судьба до недавнего времени была, к сожалению, известна лишь узкому кругу самых близких ему людей. Не знали ее и сотрудники созданного им сектора Крайнего Севера и Сибири Института этнографии Академии наук СССР, даже те из них, кто общался с мэтром многие годы. Стремление избежать огласки некоторых сторон биографии было вызвано у Б.О.Долгих пониманием того, что они могли повредить его достаточно ответственной работе, связанной с политикой государства в отношении народов Севера. Впервые неурезанная в этой части биография ученого была опубликована лишь в 1992 г.¹.

Родился Борис Осипович Долгих в Риге 18 апреля 1904 г. в очень интеллигентной и благополучной семье ученого-аграрника, получившего позднее профессорское звание. Еще до рождения сына отец много лет работал в Сибири, имея возможность по характеру своей деятельности бывать среди аборигенов, внимательно наблюдать их своеобразный быт. Впоследствии он вспоминал те годы и увлекательно рассказывал сыну об удивительной культуре и обычаях сибирских народов, пробудив у него еще в детстве интерес к далеким путешествиям, любовь и сочувствие к гордым и смелым, но обездоленным местным жителям.

Много любопытного узнал мальчик в те годы и о жизни аборигенов Северной Америки, притом в отличие от сверстников узнал о них не столько из красочных детских книжек, сколько из пересказанных отцом эпизодов встреч деда (по матери) Алексея Баранова с воинственными индейцами. А деду было что рассказать, ведь служил он в далекой Русской Америке в чине поручика.

чика на острове Ситха в той самой крепости, которую так яростно осаждали индейцы, а обороняли русские солдаты. В одном из самых ожесточенных сражений дед был ранен и после этого возвращен на родину. Дослужился он до весьма высокого чина — статского советника. Борис Осипович как-то рассказывал автору, что хорошо помнит деда — высокого ростом и даже сурового человека, но очень нежно любившего своего маленького внука и дарившего ему прекрасные игрушки.

Позднее семья переехала в Самару, где Борис Долгих учился в гимназии. Когда мальчику было 13 лет, он услышал о революции, начавшейся в Петрограде, и в дальнейшем внимательно следил за перипетиями гражданской войны. В 1920 г. шестнадцатилетний юноша был принят в Самарский университет, но не прошло и года, как университет закрыли.

Чтобы иметь хоть какую-то специальность, пришлось в конце концов поступить в местный техникум и без особого удовольствия обучаться бухгалтерии, втайне надеясь, что это «специальное образование» никогда не пригодится. Но, как известно, пути Господни неисповедимы — специальность, полученная в техникуме, пригодилась, и даже очень, притом в ситуации неожиданной и зловещей. Но произойдет это годы спустя... А пока романтического юношу влекла мечта о далеких путешествиях, о высшем, притом непременно гуманитарном, образовании. Особенно манила мечта учиться в Московском университете. И уже тогда где-то в глубине души теплилась надежда получить возможность путешествовать в такой далекой загадочной Арктике, изучать таинственные народы Севера, открывать науке неизвестные ранее племена.

После долгих колебаний и советов с родными и друзьями он наконец в 1925 г. решает покинуть Самару, и, как оказалось, навсегда. Собрав очень небольшую сумму денег и скромные пожитки, юноша поехал в Москву, чтобы поступить в Университет. Приехал, нашел временное жилье, подал документы и... не был принят. Казалось, надо возвращаться. Но Борис решил противостоять неожиданному удару судьбы. Он принимает трудное, но твердое решение: из Москвы не уезжать, снять угол и ходить в Университет вольнослушателем (такая возможность в те годы была), тем более что, как оказалось, вольнослушателям, интересующимся народами Сибири, разрешалось посещать научные заседания в Институте антропологии МГУ, а также в Обществе по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. Удалось записаться и в Румянцевскую библиотеку; это дало возможность все свободное время проводить там, много читать и делать обширные выписки из книг, как бы предчувствуя, что судьба может лишить его такой возможности.

На одном из заседаний в Институте антропологии, где уже многие ученые обратили внимание на очень способного юношу — вольнослушателя университетских лекций, проявляющего недюжинные знания и огромный интерес к народам Севера, регулярно посещающего все доклады, так или иначе связанные с Сибирью, ему сообщили о намечавшейся Приполярной переписи и даже возможности принять в ней участие. Борис сразу же дал согласие, осознав это известие как судьбоносное, как начало реализации своей давней мечты. Чтобы стать участником переписи, необходимо было предоставить рекомендацию какого-либо из авторитетных ученых Университета. И он ее получает в Институте антропологии от известного уже в то время профессора В.В.Бунака². Студент-вольнослушатель официально становится участником этой первой детальнейшей демографической и похозяйственной переписи народов Севера в скромной должности статистика-регистратора и сразу же начинает серьезную подготовку к предстоящей поездке в Сибирь.

Весна 1926 г. застаёт будущего ученого в Красноярске. Не теряя времени, он знакомится здесь с уникальными материалами местного музея о жителях Севера, среди которых ему предстояло работать. Здесь же собрались и другие участники отряда переписчиков. Все очень обстоятельно готовились к порученному им ответственному делу, причем не только к технической, но и научной его стороне. Было необходимо еще и еще раз отработать методику заполнения похозяйственных карточек на каждую семью (в карточке значилось около 20 различных вопросов, включая родо-племенную принадлежность каждого опрашиваемого аборигена), предусмотреть все возможные трудности, в том числе те, которые могли возникнуть в тайге и тундре при работе в условиях полярной ночи.

Жарким июньским днем 1926 г. на колесном пароходе дореволюционной постройки Долгих с товарищами отплыл по Енисею на Север. Впечатления в пути были незабываемы: покрытые тайгой крутые берега великой сибирской реки, устремившейся к Ледовитому океану; маленькие, прилепившиеся к воде поселки; живописно одетые люди, встречавшие и провожавшие пароход. Здесь же, на берегу Енисея, возле крытых берестой беленьких чумов, он впервые увидел нескольких кетов, представителей того загадочного народа, среди которого надо было вести перепись. Двадцатидвухлетний молодой человек именно теперь понял, что судьба его бесповоротно отдана Северу.

Через неделю пароход достиг устья Подкаменной Тунгуски. Борис Долгих вдвоем с товарищем — его коллегой по переписи, с которым предстояло многие месяцы делить все трудности ра-

боты, — высадились на берег. Им повезло — кеты в это время собрались поблизости на ярмарку, и можно было сразу же приступить к делу. Затем, подобно бурлакам, двигаясь по тайге вдоль берега Подкаменной Тунгуски вверх по ее течению, обследовали все кетские стойбища, а дойдя до небольшого селения Кузьмовка, встретили первых эвенков. Закончив у них перепись, в небольшой долбленной лодке поплыли вниз по течению, вновь к устью Подкаменной Тунгуски. Отсюда, дождавшись парохода, добрались в начале сентября до Дудинки. Они оказались среди бескрайней тундры Таймыра. Быстро наступала холодная осень с ее ранними заморозками, приближалась полярная ночь. Работать становилось все труднее, переезды на собачьих и оленьих упряжках требовали все больше сил. В этих нелегких условиях в полной мере проявились незаурядные черты характера Бориса Осиповича — неодолимая воля, целеустремленность, редкое мужество, почти полное безразличие к бытовым трудностям и страсть путешественника-первопроходца.

Наряду с переписью Б.О.Долгих увлеченно занимался этнографическими исследованиями, понимая их исключительно важное значение. Он описывал быт, материальную и духовную культуру изучаемых народов, тщательнейшим образом фиксируя все свои наблюдения в дневниках. Почти полтора года, вплоть до октября 1927 г., исследователь практически ни на один день не прекращал работу даже в самых трудных, подчас нечеловеческих условиях. Его коллега не выдержал выпавших на их долю тяжелых испытаний, заболел и кончил жизнь самоубийством. Оставшись в тундре один, Борис Осипович еще самозабвеннее продолжал трудиться, стараясь выполнять теперь уже работу и за своего умершего товарища. Перепись близилась к концу, позади были бесконечные маршруты протяженностью свыше тысячи километров, когда жить приходилось то в тайге, то в тундре, то на пустынных берегах Ледовитого океана, в устье Енисея и на Хатанге. За это время было обследовано несколько народов. Особенно много новых этнографических сведений было собрано о кетах, нганасанах, энцах, долганах, якутах, эвенках. Удалось сделать и ряд открытий — обнаружить не выявленные дотоле этнографические группы, описать никем ранее не отмеченные обычаи, сделать уникальные записи неизвестных фольклорных произведений. Большое внимание уделял Долгих и углубленному изучению сложной социальной структуры, прежде всего не вполне ясному для этнографов-сибиреведов того времени соотношению административных и кровных родов, специфике соседско-территориальных и родственных общинных объединений.

Знакомство с дальнейшей судьбой ученого делает для нас совершенно очевидным, что именно маршруты, проложенные им по Красноярскому Северу, навсегда определили круг его дальнейших экспедиционных исследований.

Поздней осенью 1927 г., проделав долгий обратный путь по Енисею и лишь ненадолго остановившись в Красноярске, Долгих возвратился в Москву и сразу же приступил к очень трудоемкой обработке экспедиционных материалов.

Вскоре он получает предложение сделать подробный отчет на специально посвященном этому событию заседании Института антропологии МГУ, на котором присутствовали проф. В.В.Бунак и ряд других крупных университетских ученых. Все выступившие после доклада Долгих на этом заседании отметили его выдающиеся достижения в изучении Красноярского Севера, сделанные им крупные этнографические открытия. По инициативе Бунака Борис Осипович немедленно и без экзаменов был зачислен в МГУ, притом сразу же на второй курс.

Став наконец студентом, Долгих, по его словам, жадно и с упоением учился, продолжая вместе с тем все более углубленно обрабатывать и систематизировать собранные на Севере материалы.

Перейдя на третий курс, он представил на кафедру свою первую научную работу о населении Таймыра и прилегающего к нему района. Ее рекомендовали к печати и опубликовали в 1929 г. в «Северной Азии» — наиболее авторитетном научном журнале страны, посвященном Северу³. Статья, основанная почти исключительно на ценных материалах полевых исследований автора, отличалась глубоким знанием этнографических проблем самого северного региона Евразии и явилась серьезным вкладом в отечественное сибиреведение. К этому времени студент Долгих завершал еще одну важную в научном отношении статью, предназначенную для публикации в том же журнале.

У московских сибиреведов, знакомых с исследованиями Долгих, не было сомнений, что в науку вступает талантливый ученый, так успешно проявивший себя уже в юности. Борис Осипович и сам теперь был уверен, что путь в науку для него наконец открыт. Он хорошо учился, неустанно работая над собранными огромными материалами, строил планы новой экспедиции на Север, но судьба готовила ему совершенно непредвиденное страшное испытание...

Шел трудный для страны, и особенно для крестьянства, 1929 год. Началась крутая и болезненная ломка сложившихся устоев жизни на селе, насильственная, сопровождавшаяся массовыми репрессиями, коллективизация. Из деревень в студенче-

скую среду проникают все более и более тревожные вести. Долгих, который не смог получить место в студенческом общежитии и вместе с товарищем, слушателем Высших литературных курсов, снимал частную комнату, нередко обсуждал здесь происходящие события. В этой комнате по вечерам собирались и другие студенты, часто разговоры касались коллективизации, начинались споры. Долгих и его товарищ очень критически высказывались о жестоких методах раскулачивания, слухи о которых доходили до Университета. Неожиданно арестовали товарища по комнате, а затем и самого Бориса Осиповича. Вместо студенческой аудитории — камера в Бутырской тюрьме, допросы у следователя. Но маховик сталинских репрессий еще не раскрутился до уровня «великого террора», да и следователи были разные. Через несколько дней после ареста следователь вызвал Долгих на допрос.

Выполнив полагавшиеся в таких случаях формальности, он не без некоторого сочувствия сообщил, что арестованный уже исключен из Университета, а затем вышел, странным образом оставив на столе главную улику — изъятое при обыске неотправленное письмо Бориса Осиповича своему красноярскому другу. В этом письме он излагал весьма крамольные мысли по поводу проводившейся коллективизации и просил написать, как идет «раскулачивание» в Сибири. Оставшись один, Долгих мгновенно оценил обстановку и, схватив лежащие перед ним несколько листиков письма, разорвал их в клочки, положил в рот и проглотил. Следователь начал искать письмо, затем обыскал Долгих и, ничего не найдя, начал грозить арестованному страшными карами, если письмо не найдется. Вскоре состоялся суд, но письмо на нем не фигурировало. Борис Осипович держался на суде мужественно, но признал, что выступил с критикой коллективизации, не будучи знаком с ней в реальной жизни, в чем видит свою вину. Приговор суда был сравнительно мягким — всего четыре года ссылки в Сибирь.

Проделав долгий путь до Лены, Долгих поселился на берегу таежной реки в маленьком поселке и работал у местных заготовителей бухгалтером — пригодилась-таки учеба в техникуме. Оставалось много свободного времени. Все материалы, собранные ранее, Долгих удалось привезти с собой. Каждый вечер у коптилки, нередко под вой вьюги, он писал книгу, свою первую монографию об одном из самых загадочных народов мира — кетах. Под рукой ученого лежали обширные записи, сделанные у кетов, многочисленные выписки из книг.

На бумагу легли первые строки, полные романтического духа, ни на час не покидавшего ссыльного. «Кто проезжал Енисеем по

Туруханскому району Восточно-Сибирского края, тот не забудет на первый взгляд странных, длинноволосых людей в разноцветных коротких халатах. Зажав в зубах трубку, они с виду равнодушно смотрят на шумящую около приставшего парохода толпу. Их сухие, горбоносые лица, оттененные белыми платками, при этом бесстрастны, словно высеченные из темного дерева. Только изредка кто-нибудь из них, вынув трубку изо рта, сплевывает и обменивается с соседом отрывистыми, гортанными фразами. Перед серым, усыпанным галькой берегом и торчащим над ним рядом дощатых потемневших крыш крестьянских изб, около бородатых, шумно толпящихся русских, яркие, словно маскарадные, краски одежд этих людей и отпечаток какой-то древней, незнакомой для нас, европейцев, расы на их безбородых смуглых лицах оставляют отчетливое, незабываемое впечатление живого обломка первобытной Азии, случайно уцелевшего здесь, на окаймленных непрерывной стеной тайги берегах Енисея. Это те самые енисейские "остяки" — кеты, которые до сих пор представляют загадку истории Северной Азии»⁴.

Долгие четыре года ссылки на Лене заканчиваются, в Москву возвращаться запрещено, можно переехать в Иркутск, да и рукопись книги о кетах теперь полностью готова. В Иркутске ученому удалось поступить на работу в Краеведческое общество. И уже через несколько дней он приносит в местное издательство свою рукопись, которая настолько заинтересовала всех, кто с нейзнакомился, что ее почти сразу же внесли в перегруженный план издательства. И это несмотря на «грязную» анкету автора. Руководство издательства, несомненно, пошло на определенный риск, но то был все же лишь 1934-й, а не 1937 год. Книга «Кеты» выходит из печати и имеет большой успех как в научных кругах, так и у тех, кто интересовался жизнью народов Сибири, даже не будучи специалистами. Это была первая монография о кетах, сочетавшая строгую научность исследуемых проблем с доступностью изложения и ярким романтическим восприятием мира маленького северного народа. Она очень удачно продолжила великие традиции отечественных этнографов — политкаторжан, среди которых были такие корифеи, как В.Г.Богораз, Л.Я.Штернберг, В.Л.Серошевский, Ф.Кон и др.

После нескольких обращений в Комитет Севера при ВЦИК Долгих получил официальное разрешение вернуться в Москву. Но тут он узнал, что есть счастливая возможность поступить на работу в местную землеустроительную экспедицию, которая должна была выехать из Иркутска на несколько лет в районы Крайнего Севера, причем экспедиции нужен был экономист-бухгалтер. Он решает отказаться от возвращения в Москву и

продолжить свои полевые исследования у народов, которых он начал изучать до ареста. Заняв вакантную должность и расставшись с Иркутском, он еще два года работает у берегов Ледовитого океана, среди снежных равнин Таймыра и в тайге Эвенкии. Вновь в дневниках ученого появляются интереснейшие записи о неизвестных ранее формах культуры, родо-племенном составе, великолепные образцы устного народного творчества, в особенности интереснейшего фольклора нганасан.

В 1937 г. Долгих возвращается в Иркутск, а затем переезжает в Красноярск с тем, чтобы работать в местном Краеведческом музее. Обосновавшись в новом для него городе, он приступает к подготовке своей второй книги — на этот раз о фольклоре нганасан. Через несколько месяцев Борис Осипович предлагает местному издательству свой новый труд, который получает «зеленую улицу», так как именно тогда из портфеля издательства изъяли многие рукописи репрессированных «врагов народа», и он был почти пуст. Вскоре без задержки выходит из печати вторая книга Долгих⁵, целиком посвященная неизвестным легендам и сказкам нганасан. Между тем ученый с ужасом наблюдает за происходящими вокруг арестами, причем главным образом среди интеллигенции. Понимая, разумеется, что подобное происходит не только в Красноярске, и не исключая возможности своего нового ареста, он решил вновь поехать на Крайний Север⁶, организовав небольшую этнографическую экспедицию Красноярского краеведческого музея, по существу первую экспедицию, в которой он мог целиком отдать себя любимым этнографическим исследованиям. Много работает в Эвенкии и в других наиболее труднодоступных и малоизученных до него районах Красноярского Севера. Здесь же в одной из таежных факторий Эвенкии Борис Осипович встречает Верочку Попову — молоденькую, красивую и обаятельную учительницу, обучавшую эвенкийских детишек. Вера Гордеевна становится его женой, верным другом и на редкость самоотверженным помощником⁷.

Завершилась экспедиция, продолжавшаяся почти два года. Ученый, перенесший в экспедиции несколько заболеваний, возвращается в Красноярск. Теперь у него семья — жена и маленький ребенок. Здесь их застает война. Долгих не взяли в армию по состоянию здоровья, но он старался чем мог помогать фронту, безвозмездно участвуя в изготовлении специальных географических карт.

В начале 1942 г. в один из госпиталей Красноярска привозят тяжело раненного на фронте под Москвой в рядах народного ополчения проф. С.П.Толстова, известного ученого-этнографа. Он попросил ухаживающую за ним медицинскую сестру сооб-

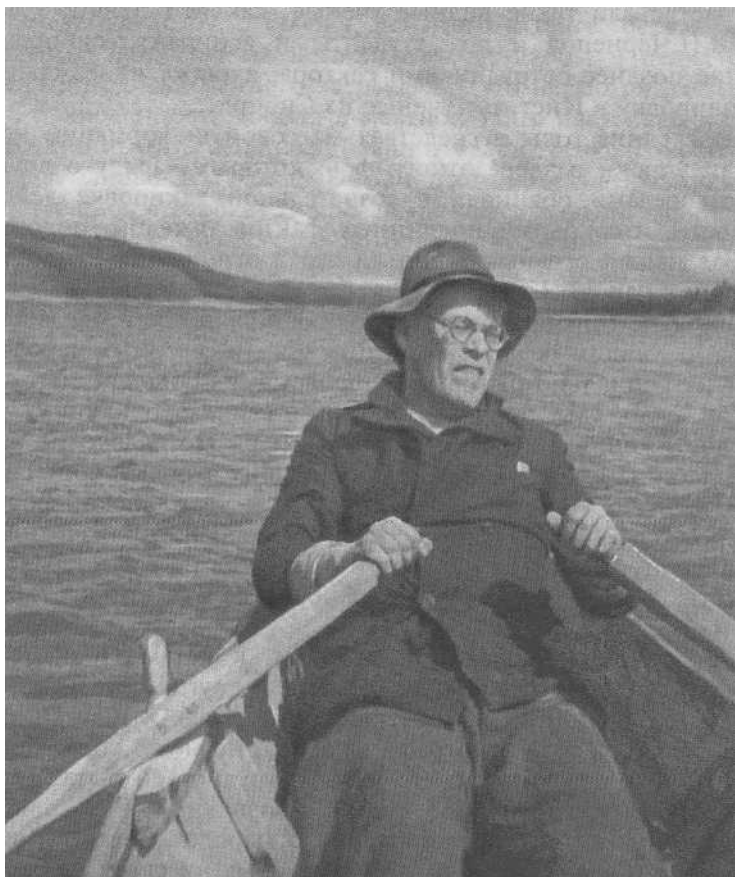

щить об этом в местный Краеведческий музей, где, как он знал из публикаций, работает талантливый исследователь народов Севера, в слабой надежде, что тот не на войне и сможет навесить его в трудный час. Борис Осипович сразу же побывал у постели коллеги и понял, что потерявшему очень много крови и крайне обессиленному на трудном пути в санитарном поезде от Москвы до Красноярска прежде всего необходимо усиленное питание. Начал регулярно приносить в госпиталь необходимые продукты, хотя достать их можно было только на рынке. А получал Долгих всего 400 рублей в месяц, тогда как буханка хлеба стоила 100. Пришлось продавать вещи, книги... После выздоровления и перед отъездом в Москву Толстов разыскал квартиру Долгих и был буквально потрясен, как он сам мне рассказывал, нищенской обстановкой убогой комнатки, где жила семья ученого и лежала неизлечимо больная дочь.

Став директором Института этнографии в Москве, Толстов, чрезвычайно высоко ценивший знания и научный энтузиазм Долгих, его благородство, пишет ему в Красноярск письмо с настойчивым приглашением поступить в аспирантуру Института и обещанием сделать все зависящее для этого. С благодарностью приняв приглашение, Борис Осипович после многих лет жизни в Сибири возвращается в 1944 г. в Москву. Толстому действительно удается добиться зачисления Долгих в аспирантуру, несмотря на его биографию с очень серьезным политическим «изъяном», который в ту пору, казалось, был непреодолимым препятствием для положительного решения вопроса. Да и обязательного законченного высшего образования кандидат в аспирантуру, увы, не имел. Помог очень высокий научный авторитет Толстова и его влиятельные связи в руководстве АН СССР.

В тот же год в Москву переезжает и семья Долгих. Сняв крохотную комнату на окраине столицы, он начинает готовить кандидатскую диссертацию «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири». В этой работе особенно ярко проявилась характерная для ученого глубина и широта подхода к анализу источников. Им были, пожалуй, впервые исчерпывающе использованы относящиеся к Северу архивные документы, которые в сочетании с материалами полевых исследований и обширнейшей литературой позволили воссоздать реальную картину расселения народов этого огромного азиатского региона.

Блестяще защитив диссертацию⁸ и став сотрудником Института этнографии в 1948 г., он продолжает свои экспедиционные изыскания у народов Севера. Ведет занятия со студентами кафедры этнографии МГУ, готовит публикации своих новых работ. Несмотря на подорванное в экспедициях здоровье, Долгих в том

Б. О. Долгих. На реке Подкаменная Тунгуска. 1948 г.

же, 1948 г., выехал в свою первую послевоенную экспедицию на Север, пригласив для изучения кетов небольшую группу из трех студентов-сибиреведов кафедры этнографии МГУ. Одним из них посчастливилось быть автору данной статьи.

С 1956 г. Борис Осипович возглавлял в Институте этнографии созданный по его инициативе сектор Севера — тогда он носил название «Сектор по изучению социалистического строительства у народов Севера». Он был организован на основе небольшой Группы Севера, созданной в структуре Института еще в 1944 г. и объединявшей нескольких энтузиастов изучения Сибири. В чрезвычайно интересных заседаниях Группы помимо Б.О.Дол-

гих участвовали такие видные ученые, как М.Г.Левин, Г.Ф.Дебец, В.Н.Чернецов и др., студенты и аспиранты-сибиреведы, ставшие позднее сотрудниками сектора, а также приезжавшие в командировку в Институт ученые из Сибири.

В последние годы в средствах массовой информации не раз звучали упреки в адрес этнографов, которых наряду с другими обществоведами обвиняли в сознательной лакировке действительности, в сокрытии подлинных фактов тяжелого положения народов нашей страны. Верно ли это в отношении этнографов, изучавших народы Севера?

Нельзя не признать, что в публикациях тех лет мы действительно не увидим реальной картины жизни северных народов со всеми их социально-бытовыми проблемами. Большинство сибиреведов, надо, увы, признать, писали в своих публикациях только о достижениях, нередко лишь мнимых. Но далеко не всегда эта была вина самих ученых, выполнявших суровый социальный заказ, нередко вопреки своей научной и гражданской совести. Что касается Бориса Осиповича, то он особенно близко принимал к сердцу беды этих народов и, несмотря на все, старался им помогать, хотя и не имел возможности делать это в открытой печати.

Еще во время экспедиции в 1948 г. к кетам Подкаменной Тунгуски он убедительно просил меня и других студентов, участников экспедиции, внимательно отнестись к изучению не только исторической этнографии народа, но и его современного положения, в особенности его нужд и трудностей быта. Тогда я и столкнулся с этими проблемами, признаюсь, очень для себя неожиданно, так как представление о народах Севера имел по публикациям и докладам тех лет, в которых ни слова не было об очень трудном положении северных этносов. В экспедиции мы познакомились с чрезвычайно тяжелым, по существу критическим состоянием суломайских (подкаменно-тунгусских) кетов: они голодали и явно вымирали!

Это исключительно интересная и во многих отношениях загадочная, самобытная этнографическая группа кетов в то время еще сохраняла многие архаические формы культуры, давно исчезнувшие у других народов Сибири. У них, в частности, наряду с чумом бытовали полуземлянки неолитического облика. В отличие от других этнотерриториальных групп кетов и их соседей — эвенков, они не знали никаких домашних животных, кроме собаки, помимо ружей еще продолжали пользоваться луком со стрелами, умели добывать огонь трением, их роды и фратрии еще играли важную роль⁹. И вот у них-то власти без колебаний изымали на общих основаниях в счет госпоставок почти всю

вылавливаемую рыбу, а соболя, добытого в тайге, отказывались принимать, запрещая на него охотиться, якобы в целях «увеличения поголовья ценного зверька». И это несмотря на то, что к 1948 г. численность соболя в местной тайге настолько возросла, что хищный зверек, пожиравший белок, резко сократил их поголовье, лишая тем самым кетов и этого объекта промысла.

Вернувшись в Москву, я сделал на кафедре этнографии МГУ доклад о поездке к кетам, в котором откровенно рассказал об ужасающем их положении, о том, что они вымирают. С ведома и согласия Бориса Осиповича мной было написано письмо о трагическом положении кетов секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, в то время второму человеку в государственной и партийной иерархии, а также письмо о положении кетов в газету «Правда». Через некоторое время неожиданно для меня было начато мое комсомольское персональное дело. Меня обвинили в клевете на положение народов Севера, на политику правительства в национальном вопросе, в поддержке «буржуазной лженауки» генетики, в оскорблении «выдающегося ученого-биолога» Т.Д.Лысенко (о моем отношении к генетикам и Лысенко донес один из участников нашей экспедиции). Нашли и другие «грехи», в частности рассказанный мною в экспедиции анекдот о Сталине¹⁰.

Отрицательное отношение к Лысенко, которое в доверительных беседах разделял Долгих, не было для меня случайным. Позволю себе сказать об этом несколько слов. Из-за тяжелого материального положения (мой отец — профессор Московского авиационного института был как «враг народа» репрессирован и казнен в 1938 г.¹¹, нас лишили жилья, мать не имела работы) мне пришлось наряду с учебой в МГУ работать в пожарно-сторожевой охране Университета. Во время ночных дежурств я почти ежедневно совершал обходы университетских лабораторий, в том числе корпуса биологического факультета. Здесь я познакомился с крупными учеными-генетиками, которые из-за преследований и ограничений в научной деятельности были вынуждены проводить свои опыты главным образом ночью. Беседуя с ними и все больше убеждаясь в их правоте, я понял, что знаменитый Лысенко в сущности лжеученый, наносящий непоправимый вред науке, и, разумеется, очень критично отнесся к сессии ВАСХНИЛ 1948 г., о которой мы узнали по радио в экспедиции. О своем резко негативном отношении к этой сессии, поддержавшей Лысенко по инициативе «самого» Сталина, я делился с участниками экспедиции.

Персональное дело рассматривалось на комсомольском собрании студентов четвертого курса кафедры этнографии факуль-

тета 12 апреля 1949 г. А это был год яростной борьбы с «космополитизмом». Меня почти единогласно исключили из комсомола и приняли решение с требованием об исключении из МГУ. Борис Осипович, внимательно следивший за всем этим делом, тяжело переживал, встречался с моей матерью, как мог успокаивал ее, сравнивая случившееся со своей судьбой. Чтобы поддержать меня и постараться облегчить положение кетов, Долгих, несмотря на происходившее и многим рискуя, также послал телеграмму Г.М.Маленкову с просьбой вмешаться в ситуацию, сложившуюся у кетов.

И тут произошло неожиданное. Маленков направил к кетам Подкаменной Тунгуски комиссию ЦК ВКП(б). Все факты о положении кетов подтвердились. 13 мая 1949 г. я получил письменный ответ, в котором говорилось: «...Исполком крайсовета (Красноярского края. — С.В.) принял специальное решение о мерах помощи нацнаселению Суломайского, Сымского сельсоветов, в частности, кето (кетам. — С.В.) разрешена сдача всех соборей райпотребсоюзу». Кстати, это было первое постановление после войны о мерах помощи народам Севера. Неожиданным было это и для моей судьбы: в результате не только было отменено решение об исключении из Университета, но я даже получил предложение вновь выехать в экспедицию к кетам Подкаменной Тунгуски. Вторично побывав там летом и осенью 1949 г., я убедился в том, что положение кетов существенно улучшилось¹². К сожалению, на этот раз Долгих к кетам не поехал, не был он у них и позднее. Его полевые исследования велись у самодийцев в низовьях Енисея, в изучении которых ему принадлежит выдающаяся роль¹³.

Заведая сектором, Борис Осипович неоднократно обращался в высшие правительственные органы с очень тревожными записками о положении народов Севера. Приведу содержание одной из них, написанной в начале 1954 г. Сравнивая материалы переписей, он отмечает резкое сокращение численности коренных народов с 1926 по 1953 г.: энцев — на 33%, нганасан — на 26%, ненцев — на 12%. При этом он подчеркивает, что наиболее сильное сокращение численности пришлось на «самые отсталые народы — энцев и нганасанов». Далее он писал, что «совершенно катастрофично положение с движением численности коренного населения Эвенкийского национального округа», которое сократилось за это время на 39%, т.е. более чем на треть, а в Чунском районе этого округа численность эвенков уменьшилось на 56,9%, т.е. более чем вдвое. Численность кетов, сообщает далее в своей «Записке» Долгих, в Туруханском и Ярцевском районах сократилась на 30%, а суломайских (подкаменно-тунгус-

ских) кетов в Ярцевском районе — с 297 до 120 человек, т.е. на 60%. Здесь же он подчеркивает, что «суломайские кеты были очень своеобразной группой кетского народа. Они, в частности, никогда не имели оленей, и к ним следовало бы проявить максимум заботливости и внимания. К сожалению, этого не было сделано. Сейчас эта, в прошлом многочисленная и вполне жизнеспособная, часть кетского народа находится на грани исчезновения. Практически на грани исчезновения находятся и энцы...»¹⁴.

Здесь же Долгих опровергает «теорию» о вымирании народов Сибири после их присоединения к России. Он отмечает, что «после прихода русских в Сибирь коренные жители насчитывали около 230 тыс. человек, а в 1926 г. их было уже 800 тыс., т.е. их численность возросла более чем в 3 раза!»¹⁵.

Ученый оспаривает утверждение о том, что сокращение численности народов Севера неизбежно связано с кочевым образом их жизни, и указывает на основные факторы этого процесса в советское время: недостаточное питание, широкое распространение туберкулеза, неумеренное потребление спирта, плохие одежда и обувь. Он приводит жалобы местных жителей-колхозников: «Доходов от работы в колхозах не хватает на жизнь, тяжелые планы заготовки рыбы и низкие приемные цены на рыбу, невозможность заготавливать рыбу для себя, принудительное поселение в колхозных центрах и невозможность жить в тайге и тундре по-старому, обсчеты в конторах колхоза и магазинах и др.». Отмечает и то, что «местные организации заботятся о себе и приезжих, забывая о местных жителях и их нуждах»¹⁶.

Борис Осипович приходит к выводу о необходимости коренного пересмотра всего, что делается для народов Севера, и признания того, что до сих пор работа по подъему экономики и культуры народов Севера шла по неправильному пути. Он выдвигает целый ряд предложений¹⁷. К сожалению, большая их часть не реализована до сих пор. Примечательно, что эта записка правительству написана не в годы перестройки, а за 30 лет до ее начала!

По инициативе Б.О.Долгих все сотрудники созданного им сектора должны были в докладных записках четко и правдиво информировать о всех проблемах жизни народов Севера. Практика написания подобных записок стала обычной и сохранилась и после смерти ученого. Благодаря этой работе условия жизни северных народов в какой-то мере улучшились, так как «Записки» были использованы правительством при подготовке ряда важных постановлений о помощи народам Севера.

Борис Осипович был поистине интеллигентным человеком, вдумчивым и заботливым наставником своих учеников. Нас,

учеников Долгих, всегда поражала его готовность помочь, разделить поровну с ним тяготы жизни. Маленький, но показательный пример. Во время экспедиции к кетам в 1948 г. нам предстояло пройти от устья Подкаменной Тунгуски до кетского поселка Суломай (Черный остров) десятки километров вверх по течению таежной реки. В то время здесь не ходили даже катера, не было ни авиации, ни комфортабельных судов на подводных крыльях, столь характерных для наших дней. Все экспедиционное имущество было сложено в дощатую лодку, которую нам пришлось тащить против течения стремительной реки, пользуясь веревкой, подобно бурлакам двигаясь по заваленному буреломом каменистому берегу. Труд этот был не из легких, и потому мы предложили тащить лодку по очереди, освободив от этого нашего начальника. Но немолодой уже и не вполне здоровый Борис Осипович категорически отверг наше предложение и тащил суденышко наравне со всеми.

В первые послевоенные годы многие жили очень бедно. Семья Б.О.Долгих не была исключением. Мне пришлось бывать у него в те годы. Он ютился в крошечной клетушке в полуразвалившемся то ли доме, то ли сарае на окраине Москвы. Столом служил перевернутый фанерный ящик. Дети спали на полу. Тем не менее, выезжая в экспедицию, Долгих купил кетам в качестве подарков из своих скудных средств ведра, кастрюли, да и нам помогал чем мог. Почти неделю пришлось нам в ту пору ехать до Красноярска, а потом неделю на колесном пароходе до Подкаменной Тунгуски, и все это время Долгих занимался с нами, детально знакомя с методикой полевой работы, которую мы в МГУ практически не изучали.

Борис Осипович принимал к сердцу судьбы своих студентов. Именно он, узнав, что вопреки рекомендации кафедры этнографии мне было отказано в праве подачи документов для поступления в аспирантуру, посоветовал просить распределительную комиссию МГУ послать меня на работу в Сибирь, желательно к тувинцам, которые были еще очень слабо изучены. Я получил назначение в Тувинский краеведческий музей в г. Кызыле. Все 10 лет, что я жил в Туве, он постоянно переписывался со мной, посылал книги, статьи, давал советы, помогал публиковать мои материалы в изданиях Института этнографии. Вот несколько слов из его письма ко мне в 1950 г.: «Вы пишете, что без приключений, перевалив Саянские хребты на попутном грузовике, добрались наконец до Кызыла. Что были рады начать сразу же работать в музее, но оказалось, что его фактически нет. Надо заново создавать экспозицию, а штат — всего три человека, что нет жилья и не предвидится. На научную работу времени нет

совсем. Я убежден, что все постепенно образуется. Ваше положение все же лучше, чем могло быть в сложившейся ситуации. Работать в сибирском музее и спокойно вести стационарные исследования — большое благо для этнографа, только так можно по-настоящему изучить народ. Используйте это, насколько можно. Чрезвычайно заманчиво изучить все стороны тувинского быта и его родо-племенной состав, проблему тувинского "рода", подготовить материалы для большой работы по этногенезу. Не сомневаюсь, что это вам по силам. Все трудности, с которыми вы столкнулись, преодолимы в молодые годы. От всего сердца желаю успехов».

О Борисе Осиповиче как о человеке и гражданине говорит, в частности, и такой факт. В начале августа 1968 г. он с женой поехал отдыхать в Прибалтику, жил вблизи Риги, которую любил с детства. Уезжая, он чувствовал себя хорошо, с радостью делился со мной мыслями о «пражской весне». А вернулся из Риги в начале сентября больной (гипертонический криз) и необычайно угрюмый. Вера Гордеевна рассказала, что внезапное ухудшение здоровья у мужа началось сразу же после того, как он узнал, что наши танки вошли в Прагу. Потрясенный этим известием, он не мог прийти в себя.

Гражданское мужество и принципиальность сочетались у Бориса Осиповича с добрым, душевным отношением к своим коллегам, редкой простотой и тактичностью в обращении с людьми, почти детской застенчивостью и, казалось бы, странным увлечением серьезным коллекционированием оловянных солдатиков и флажков разных стран и народов, которое, как он говорил, позволяет ему отвлечься от всех мирских тревог. А их было так много на его веку.

Но, несомненно, самую большую радость приносили ему успехи в научном творчестве, даже самые, казалось бы, небольшие открытия, в особенности неожиданные находки при работе с архивными документами. Вспоминается период его работы с архивами над обширной историко-этнографической проблемой расселения отдельных родов и племен в разных регионах Сибири. Не могу забыть, как в один из вечеров Борис Осипович пригласил меня в гости, и едва я вошел в прихожую, как встретивший меня хозяин, после первых приветствий, лукаво и многозначно улыбнувшись, спросил: «А вы знаете, где были основные места расселения тунгусского рода Лакшикагир?» Признаюсь, в ту пору я даже не знал, что такой род существовал у тунгусов, и честно в этом признался. «Странно, — сказал Долгих, — ведь был-то этот род не какая-то замухрышка, а ответвление самого рода Кантегир!» И дальше уже совершенно серьезно до-

бавил: «Вчера мне удалось наконец-таки установить, что жили они, где бы вы думали? По соседству с рекой Витим, в верховьях реки Чары. Но пока, к сожалению, выявить реальную территорию обитания рода Кантегир еще не смог, хотя и перелопатил кучу документов. Это от меня не уйдет. Поверьте, в следующий ваш приход покажу на карте». Он подвел меня к большой, начерченной от руки карте Сибири от берегов Тихого океана до Урала, висевшей на видном месте на стене, где были аккуратно отмечены цветными карандашами территории расселения родов, выявленных им в ходе его повседневной кропотливой работы. «Вот они, земли лакшикагирцев», — говорил Долгих, показывая указкой на маленькой кусочек земель великой Сибири. И в глазах его прыгали радостные огоньки.

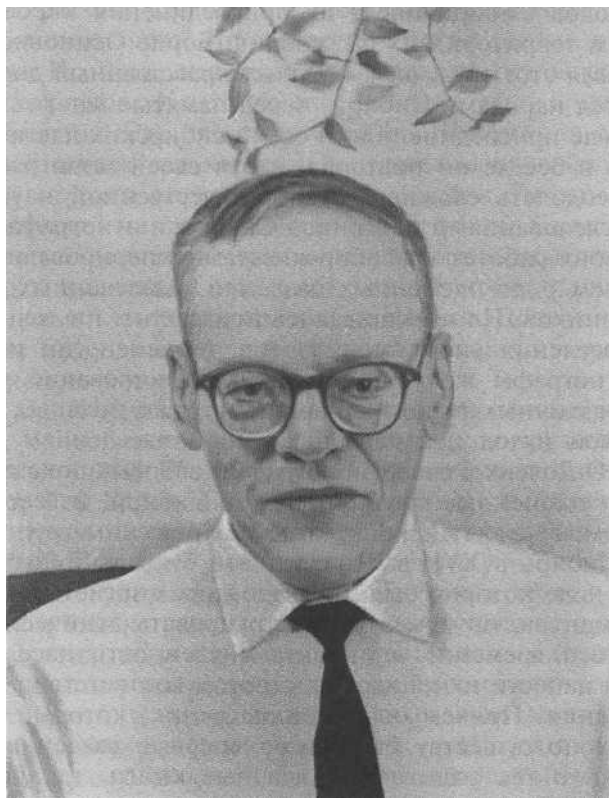
Борис Осипович чрезвычайно ценил в людях доброту, порядочность, способность прийти на помощь в трудную минуту, даже рискуя своим положением. Крупнейший отечественный антрополог Г.Ф.Дебец часто бывал у него в гостях, знал его нелегкую, полную драматизма судьбу. В 1948 г. он был единственным, кто провожал на вокзале нашу группу в экспедицию на Подкаменную Тунгуску. Я знал Г.Ф.Дебеца в те годы лишь по литературе и близко увидел его впервые. Душевное прощание не только с Долгих, но и с каждым из нас вызвало у меня глубокую симпатию к этому маститому и в то же время простому в обращении человеку, и я поделился своими чувствами с Борисом Осиповичем. Хорошо помню как он, неожиданно помолчав, сказал: «Да это благородный, даже благороднейший человек. Совсем недавно я узнал, что, когда в 1938 г. арестовали сотрудника ленинградской части Института этнографии А.Н.Липского, осудили и он находился в заключении в Сибири, многие сослуживцы тут же от него открестились. А вот Дебец, несмотря на террор тех лет и охвативший страну страх, сумел выяснить, где отбывает наказание Липский, и почти каждый месяц отправлял ему продуктовые посылки». Несколько лет спустя, встретив А.Н.Липского в Абакане, где он жил и работал после заключения, я вспомнил об этом разговоре. «О да, Дебец был единственным человеком из Института, кто помнил обо мне, хотя мы и не были друзьями. Его посылки помогли мне тогда выжить», — подтвердил собеседник. И повторил: «Единственным!»¹⁸.

Вклад Долгих в этнологию, особенно в изучение этнической истории и фольклора сибирских народов, поистине огромен. Прежде всего следует сказать о его главном детище — фундаментальной монографии «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»¹⁹. Он шел к ней всю свою жизнь. До этого труда историческая наука не имела ясного представления о со-

ставе народов Сибири после их присоединения к России, численности и территории их расселения. Борис Осипович говорил, что, создавая этот труд, он выполняет нравственный долг русской науки перед народами Сибири, перед памятью многих канувших в Лету после присоединения к России сибирских племен.

Не раз в беседе он повторял, что в своей монографии стремился преодолеть сложившийся в отечественной науке разрыв между исследованиями историков Сибири и этнографами. Историки в своих работах на сибирские темы оперировали большим количеством родо-племенных названий, извлеченных из архивных источников. Но им оставались неизвестны ни точная территория расселения упомянутых родов и племен, ни их численность. Этнографы же устанавливали существование у народов Сибири различных родов и племен, но, как правило, не могли связать свои находки с первоначальным населением Сибири в XVII в. Б.О.Долгих в своей монографии впервые показал, что все родовые и племенные группы народов Сибири, известные ныне этнографам, восходят к конкретным этническим группам, населявшим Сибирь в XVII в. В результате буквально титанической работы, в ходе которой были исследованы многие тысячи архивных документов, он сумел реконструировать этнический состав Сибири того времени, установить численность населявших ее народов и нанести их на карту в строгом соответствии с ареалом их расселения. Причем основной источник, который в указанных целях по существу был также впервые введен в научный оборот, — это так называемые ясачные книги, т.е. документы, которые скрупулезно составлялись русскими властями в Сибири в XVII в. для собирания со всего взрослого населения налога — ясака пушшиной. Сведения ясачных книг Долгих тщательно проверял и дополнял всеми имевшимися в распоряжении науки источниками. Для установления численности населения по ясачным книгам он предложил разработанный им новый метод, введя в употребление систему коэффициентов. Коэффициент 4 (один плательщик ясака рассматривался как член семьи из четырех человек) он предложил для определения численности охотников, рыбаков и оленеводов таежной и тундровой зоны, а коэффициент 5 — для подсчета численности скотоводов степной и лесостепной зоны.

После опубликования этого труда подобный метод определения численности широко использовали многие исследователи. Ряд авторов, опираясь на проведенные ими разработки, поддерживали целесообразность использования предложенных коэффициентов. В частности, В.А.Туголуков подтвердил их на материалах ясачной переписи, внося некоторые уточнения, в особенно-

Б. О. Долгих. 1967 г.

сти в отношении жителей лесостепной зоны²⁰. Но вполне очевидно — метод, предложенный Долгих и блестяще использованный им в своей работе, сыграл определяющую роль в изучении численности народов Сибири после ее присоединения к России²¹.

Чтобы дать представление о том, в каких нелегких условиях ученый долгие годы исследовал бесчисленные архивные источники, хотелось бы рассказать лишь об одном эпизоде. Когда я начал работать в Центральном архиве древних актов над знаменитыми «Портфелями Г.Миллера», ко мне подошел пожилой работник архива и спросил, знаю ли я Б.О.Долгих. Получив утвердительный ответ, попросил передать ему привет, добавив, что таких влюбленных в науку и свой труд людей он никогда не встречал в стенах архива, хотя проработал здесь почти всю

жизнь. И рассказал, что во время войны в архиве не топили, было холодно и почти никто сюда не ходил. Но Долгих в 1944 г. являлся ежедневно к открытию и сидел в пальто и шапке до закрытия. Он съедал кусок хлеба, запивая его кипятком, которым его угощали работники архива. Это был его обед. И все это время он сидел не разгибаясь над документами, выписывая нужные сведения на листки бумаги, подчас из школьных тетрадей.

Перу ученого принадлежит большое число ценнейших этнографических исследований²². Среди них труды по этногенезу и этнической истории ряда сибирских народов, притом не только северных, но и южных, в частности бурят²³, работы по проблемам верований и культов, материальной культуре, социальной организации и фольклору. Среди работ, которые нельзя не отметить, великолепно написанные разделы коллективной монографии об общественном строе народов Северной Сибири²⁴ и многие другие, в том числе изданные посмертно.

Ученый щедро делился с коллегами своими находками и открытиями в архивах, посылал свои архивные изыскания, относящиеся к истории «минусинских татар» Л.П.Потапову, передавал мне материалы о тувинцах, об исторических границах расселения отдельных племен на сопредельных территориях в XVII в. Одно из таких наблюдений стало предметом нашей совместной статьи²⁵.

Без преувеличения можно утверждать, что труд Долгих о народах Сибири в XVII в. был наиболее выдающимся исследованием в сибиреведении, выполненным в нашем столетии. И здесь нельзя не сказать с чувством глубокого сожаления, что этот действительно выдающийся вклад в науку не получил в свое время соответствующей оценки у руководства Института этнографии: его труд даже не выдвинули на Государственную премию, которую он, несомненно, заслужил. Однако нельзя не согласиться со словами одного из учеников Долгих, что в конечном счете в признании народа, который изучает этнограф, и заключается главное счастье ученого, высшая оценка его труда. И действительно, много лет спустя после исследований Долгих старик ненец говорит ведущему опрос этнографу: «Ты Бориса спроси. Вот кто расскажет. Он о наших людях хорошо знает. Может, как я знает...» «Может, больше», — тихо добавляет другой старик²⁶.

Борис Осипович был истинным бесребреником, бескорыстным, щедро отдававшим все лучшее, что ему было даровано жизнью, науке. Ныне это кое-кому из активистов «научного рынка» наверняка не понять. После смерти всемирно известного ученого, автора многих выдающихся трудов — гордости отечественной науки, в семье не осталось даже мало-мальских сбереже-

ний, и его жена (умерла в 1994 г.), получавшая вместе с неизлечимо больной дочерью нищенскую пенсию, была вынуждена работать почти до конца жизни вахтером в подъезде своего дома.

В канун нового, 1972 г. наступил последний день в жизни Учителя. Вера Гордеевна пригласила его учеников — В.И.Васильева, В.А.Туголукова и автора этих строк проститься с мужем, который, как ей сказали врачи, находится в критическом состоянии, сохраняя тем не менее ясное сознание. Мы сразу же пришли в больницу АН СССР. Состоялась наша последняя беседа. Мы не услышали ни слова жалобы, хотя больной предчувствовал свой приближающийся уход. Скрывая физические страдания, он неспешно и мудро говорил о будущем сибиреведения, о судьбе своего научного наследия и глубоко сожалел о неосуществленных замыслах: «Эх, мне бы еще два года жизни!». Он завещал нам хранить и укреплять традиции сектора, заслуженно ставшего, по его мнению, наряду с нашим Ленинградским отделением авторитетнейшим центром этнографического сибиреведения, просил неустанно проявлять заботу о народах, которым мы все посвятили свою жизнь. Перечислив после долгих вынужденных пауз все наиболее сложные, узловые проблемы этнической истории Сибири, ждущие еще своих исследователей, он пожелал нам успехов на этом нелегком пути. Через три часа после этой беседы Бориса Осиповича не стало.

В тот скорбный и холодный предновогодний вечер, 31 декабря 1971 г., Отечество потеряло большого, очень честного ученого и гражданина, подвижника, в высшей степени интеллигентного и доброжелательного человека, до конца свободного от мелочного и суетного тщеславия.

¹ См.: *Вайнштейн С. И.* Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни. — ЭО. 1992, № 1, с. 119—129.

² В. В. Бунак рассказывал автору в начале 70-х годов, что отлично помнил Бориса Долгих — скромного, даже застенчивого, бедно одетого студента, регулярно посещавшего все «сибирские» заседания, который в своих кратких, но всегда емких и четких выступлениях по докладам маститых исследователей поистине удивлял его — тогда одного из самых молодых профессоров МГУ (в 1926 г. В. В. Бунаку исполнилось лишь 35 лет) своими глубокими познаниями по этнографии народов Северной Евразии.

³ *Долгих Б. О.* Население Таймыра и прилегающего к нему района. — Северная Азия. 1929, № 2, с. 49—76.

⁴ *Долгих Б. О.* Кеты. Москва—Иркутск, 1934, с. 3.

⁵ *Долгих Б. О.* Легенды и сказки нганасанов. Красноярск, 1938.

⁶ Касаясь событий, связанных с этой поездкой, Долгих в одной из бесед со мной пошутил: «Я тогда прекрасно понял, что наступило время, когда в Сибири лучше быть на Севере диком, чем на освоенном Юге».

⁷ Впоследствии он посвятил жене книгу «Очерки по этнической истории ненцев и энцев» (М., 1970), написав: «Вере Гордеевне Поповой — жене и другу

посвящаю» (с. 5). Я сохранил запись романтической истории, рассказанной мне Борисом Осиповичем, о том, при каких обстоятельствах он предложил В. Г. Поповой стать его женой: «В нашем экспедиционном маршруте по Эвенкии приехали мы с товарищем на одну из факторий. Там я познакомился с очень юной, обаятельной Верочкой Поповой, работавшей учительницей в местной школе, и, буквально влюбившись с первого взгляда, понял, что именно она должна быть моей женой. Но сделать предложение в походных условиях экспедиции почему-то не решился, отложив ответственный разговор до следующего приезда в эти края. Через несколько дней, двигаясь на оленьей упряжке, мы встретили палатку геологов. Нас пригласили заночевать в одной из них. Но мне никак не удавалось уснуть: постоянно думая о Верочке, я продолжал укорять себя за нерешительность. Не спали почему-то, перешептываясь, и наши гостиепримные хозяева. Вдруг я отчетливо слышу слова одного из них: "Знаешь, друг, завернемка завтра утром пораньше на факторию обратно. Твердо решил предложить Верочке стать женой. Олени отдохнули, к обеду доберемся". Его засыпавший коллега тихо ответил: "Бог с тобой. Отдохнем сами и поедем, если не будет пурги". Я сразу понял, о ком речь, и тут же разбудил товарища, предложив немедленно запрягать оленей и ехать обратно на факторию, не откладывая до утра, тем более что ночь лунная. Распрошавшись с геологами, очень удивленными нашим внезапным отъездом, мы двинулись в обратный путь. Оленей гнали не жалея. Утром, еще до начала занятий в школе, мы зашли к Верочке домой. Она очень удивилась нашему внезапному приезду, но призналась, что верила в мое возвращение, призналась, что влюблена. Почти не раздумывая, согласилась стать моей женой. Я и Верочка в то же утро зарегистрировали наш брак. К вечеру приехали знакомые нам геологи; встретив их, я предложил познакомиться с моей женой — Верой Гордеевной Поповой. Можете представить себе их удивление! С этого дня мы с Верой Гордеевной не расставались». Позднее Вера Гордеевна, познакомившись с моей записью рассказа Б. О. Долгих, сказала, что в нем есть, к сожалению, неточности, однако не уточнила, какие именно. Тем не менее думаю, что эта запись представляет интерес, достаточно ярко рисуя романтический характер Бориса Осиповича.

⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири. — КСИЭ. М., 1949, вып. 5, с. 70—85; *он же*. Племена Средней Сибири в XVII в. — Там же, вып. 7.

⁹ Помимо отмеченной выше монографии 1934 г. кетам был посвящен ряд других публикаций Б. О. Долгих: Родо-племенной состав и расселение кетов. — Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета. М., 1950, вып. 9; Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. — СЭ. 1952, № 2; Некоторые данные о заключении брака и свадебном обряде у кетов в прошлом. — КСИЭ. 1952, вып. 16; О похоронном обряде кетов. — Советская археология. 1961, № 3.

¹⁰ Анекдот: «Какая разница между оптимистом и пессимистом? Пессимист говорит, что если Сталин умрет, будет еще хуже. Оптимист возражает — хуже быть не может». Узнав, что мне вменяется в вину этот анекдот, действительно рассказанный в присутствии всех членов экспедиции у костра на берегу Подкаменной Тунгуски, Долгих очень огорчился и настоятельно посоветовал на предстоящем собрании отрицать только этот факт, ибо за такой анекдот наверняка посадят. На комсомольском собрании 12 апреля 1949 г. я так и поступил: признал все свои высказывания о вымирании кетов и лжеученом Лысенко, но категорически отрицал, что рассказывал анекдот о Сталине, и предложил тому, кто его якобы услышал от меня, здесь же на собрании подтвердить это в моем присутствии. Руководившие собранием партийно-комсомольские лидеры нашего курса, которые, выступая по этому «делу», не жалели в своих оценках моей «антисоветской» деятельности самых страшных ярлыков и не гнушались

явно политической клеветой, были растеряны. Никто из присутствующих не решился публично подтвердить свой донос, и это обвинение было здесь же снято. На том же собрании рассматривалось и персональное дело В.Р. Кабо (студента нашего курса, этнографа, ныне живущего в Австралии). Он обвинялся в том, что в археологической экспедиции каким-то образом, опять же у костра, при всех иронически высказался о «вожде». Кабо, помнится, тогда получил лишь комсомольское взыскание, но позднее был арестован, осужден и ряд лет провел в тюрьме и лагере. Насколько же был прав Б. О. Долгих со своим советом!¹¹ См.: *Вайнштейн С. И.* Судьба моего отца. — Вопросы философии. 1989, № 3, с. 160—162; *он же.* Вайнштейн Израиль Яковлевич. — Философы России XIX—XX столетий. М., 1995, с. 101—102.

¹² По результатам экспедиции к кетам Подкаменной Тунгуски в 1948 и в 1949 г. мною под руководством С.А. Токарева была защищена дипломная работа о культуре и быте кетов, а также опубликован ряд статей, при подготовке которых я пользовался консультациями и советами Б.О. Долгих: *Вайнштейн С. И.* Культура и быт кетского колхоза имени Сталина. — КСИЭ. 1950. Вып. 11, с. 60—69; *он же.* К вопросу об этногенезе кетов. — КСИЭ. 1951. Вып. 13, с. 3—7; *он же.* Чум подкаменнотунгусских кетов. — КСИЭ. 1954. Вып. 21, с. 7—43.

¹³ На основе своих полевых материалов, архивных и иных источников Б.О. Долгих изучил этнические процессы, протекавшие у ненцев, энцев и нганасан как в современных условиях, так и в последние столетия. Исследуя родовой состав сибирских энцев и ненцев, Долгих подробно анализирует расселение, численность родов и связанные с этим другие проблемы. Рассматривая вопрос о южной прародине самодийцев в Саянах, он подчеркивал, что этническая история маленьких северосибирских народов не только отражает ранние этапы развития человечества в Евразии, но и является источником для понимания этнических миграционных процессов на этих огромных территориях. Основные труды Б.О. Долгих о северосамодийцах: Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; Родовая экзогамия у нганасан и энцев. — Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Т. 4; Мифологические сказки и исторические предания энцев. — ТИЭ. Нов. сер. М., 1962. Т. 75; Тамги нганасанов и энцев. — КСИЭ. 1957, вып. 27; О родовом составе и расселении энцев. — СЭ. 1946, № 4; Проблемы этнографии и антропологии Арктики. — СЭ. 1964, № 4; Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени. — КСИЭ. 1954, вып. 20.

¹⁴ *Долгих Б. О.* Население районов крайнего Севера Красноярского края (1954). Архивная публикация подготовлена С.И. Вайнштейном. — Институт этнологии и антропологии РАН. Полевые исследования. Нов. сер. 1993. Т. 1. вып. 2, с. 125 и сл.

¹⁵ Там же, с. 128—129.

¹⁶ Там же, с. 131.

¹⁷ Там же, с. 138—141.

¹⁸ Альберт Николаевич Липский (1890—1973) был одним из крупнейших этнографов — исследователей народов Амура. В 1938 г. его репрессировали по сфабрикованному политическому обвинению в тот момент, когда экспедиция Института этнографии АН СССР, которой он руководил была на пути к нанайцам. После XX съезда КПСС реабилитирован. Последние годы жизни провел в Абакане, работал в Хакасском областном краеведческом музее, занимаясь главным образом археологическими раскопками, причем сделал ряд важных открытий в области древней истории Южной Сибири.

¹⁹ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

²⁰ *Тугалюков В. А.* Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII в. — СЭ. 1981, № 2, с. 122—124.

²¹ *Емельянов Н. Ф.* Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX в. — Из истории Сибири. Томск, 1975, вып. 17, с. 99—100.

²² Библиографию трудов Б. О. Долгих см.: СЭ. 1972, № 2, с. 178—179.

²³ *Долгих Б. О.* Некоторые данные к истории образования бурятского народа. — СЭ. 1953, № 1.

²⁴ Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в. М., 1970 (Б. О. Долгих — ответственный редактор и автор трех глав).

²⁵ *Вайнштейн С. И., Долгих Б. О.* К этнической истории хакасов. — СЭ. 1963, № 2, с. 93—97.

²⁶ *Васильев В. И.* Открытие самодийского мира. — СЭ. 1976, № 4, с. 156.